

Карл Поппер. Ницета историцизма

Один из самых известных философов XX столетия Карл Поппер посвятил эту свою книгу «памяти людей всех убеждений, наций и рас, павших жертвами фашистской и коммунистической веры в неумолимые законы Исторической Судьбы». В центре ее – критический анализ учения об объективных закономерностях исторического развития человечества и общественного прогресса. Перечень других работ Карла Поппера, представленных в блоге, приведен в конце заметки.

Карл Поппер. Ницета историцизма. – М.: Прогресс, 1993. – 188 с.

Историцизм утверждает, что физические методы неприменимы к социальным наукам вследствие глубоких различий, существующих между социологией и физикой. Физические законы, или «законы природы», согласно историцизму, истинны везде и всегда, ибо физическим миром управляет система физических единообразий, неизменных на всем протяжении пространства и времени. Социологические же законы, или законы социальной жизни, разнятся в зависимости от места и времени.

Согласно историцизму, большинство методов физики неприменимо к социологии, поскольку социальные законы исторически относительны. Аргументы историцистов, приводимые для обоснования этого взгляда, касаются обобщения, эксперимента, сложности социальных явлений, трудности точного предсказания и значимости «методологического эссенциализма».

Обобщение. Согласно историцизму, в физических науках возможность и успешность обобщения основаны на всеобщем единообразии природы: наблюдения свидетельствуют о том, что в сходных обстоятельствах случаются сходные вещи. С точки зрения историцизма, в социологии этот принцип не работает. Сходные обстоятельства существуют только в рамках того или иного исторического периода и не сохраняются при переходе от одного периода к другому. Метод, не считающийся с этим ограничением и обобщающий социальные единообразия, неявно предполагает, что эти регулярности вечны. Эта теория отрицает, что общество развивается или сколько-нибудь существенно изменяется.

Социальные единообразия — не законы природы, их создают люди; и вся зависимость от человеческой природы состоит в том, что в ее власти изменить эти единообразия или даже установить над ними контроль. Назовем стремление к активности и неприятие «покоя» активизмом. Известный историцист Маркс говорил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить».

Эксперимент. Метод эксперимента состоит в том, чтобы установить искусственный контроль и искусственную изоляцию, обеспечивая тем самым воспроизведение сходных условий и следующих из них определенных результатов. Согласно историцизму, в социологии этот метод неприменим.

Новизна. Широкомасштабные социологические эксперименты нельзя считать экспериментами в физическом смысле слова. Их целью является не увеличение знания, а достижение политического

успеха. Их никогда нельзя повторить в точности, поскольку предыдущий эксперимент уже изменил начальные условия.

Сложность. Методологическая ситуация имеет ряд других аспектов. Один из них — роль отдельных уникальных личностей. Другой — сложность социальных явлений. Поскольку в социологии метод изоляции неприменим, мы сталкиваемся с двойной сложностью: первая связана с невозможностью искусственной изоляции, а вторая — с тем, что социальная жизнь есть природное явление и предполагает ментальную жизнь индивидов, т. е. психологию, которая, в свою очередь, предполагает биологию, а та предполагает химию и физику.

Неточность предсказания. Согласно историцизму, социальное предсказание — дело чрезвычайно трудное, и не только в силу сложности социальных структур, но также из-за особо сложной взаимосвязи между предсказаниями и предсказанными событиями. Мысль о том, что предсказание влияет на предсказанное событие, высказывалась еще в глубокой древности.

Холизм. По мнению большинства историцистов, существует более глубокая причина, по которой методы физической науки не применимы к наукам социальным. Социология, как все «биологические» науки, т. е. науки, имеющие дело с живыми объектами, должна быть не атомистической, а, как сейчас творят, «холической».

У всех социальных групп есть традиции, институты и обряды. Согласно историцизму, мы должны изучать историю группы, ее традиции и институты, если желаем понять и объяснить ее в данный момент, а также если мы желаем понять и, быть может, предвидеть ее развитие в будущем.

Интуитивное понимание. Поскольку типичные методы физики неприменимы к социальным наукам, социальные исследования требуют [применения] исторического метода. Согласно этой концепции, метод социальных наук (в противоположность методу естественных наук) состоит в понимании социальных явлений изнутри. В связи с этой концепцией обычно делают следующие противопоставления. Физика стремится к причинному объяснению, социология — к пониманию цели и смысла.

Количественные методы. В физике события объясняются строго и точно, с использованием количественных понятий и математических формул, — социология же пытается понять историческое развитие в качественных понятиях, например, через конфликтующие тенденции и цели.

Эссенциализм versus номинализм. Методологические эссенциалисты формулируют научные проблемы следующим образом: «что такое материя?», «что такое сила?», «что такое справедливость?» Ответ на эти вопросы, раскрывающий реальный, или сущностный, смысл терминов, а значит, реальную, или истинную, природу сущностей, которые они обозначают, является необходимой предпосылкой научного исследования, если не главной его задачей.

Методологические номиналисты формулируют проблемы иначе: «как ведет себя данный кусочек материи?» или «как он движется в присутствии других тел?» С их точки зрения, задачей науки является описание того, как ведут себя вещи, и мы вольны вводить новые понятия там, где это выгодно, пренебрегая их первоначальным смыслом. В естествознании методологический номинализм одержал победу.

В социальных науках эссенциализм, по-видимому, одерживает победу. Считается, что задача социальной науки — понять и объяснить такие социологические реальности, как государство, экономическое действие, социальная группа и т.д., а это можно сделать, только проникая в их сущность. Историцисты будут выступать за эссенциализм и против номинализма.

Сравнение с астрономией. Большое впечатление на современных историцистов произвела теория Ньютона. Если астрономия способна предсказывать затмения, то почему бы социологии не предсказывать революции? Именно такими предсказаниями и должна заниматься социология.

Социальная динамика. Аналогия между социальной наукой и астрономией может быть продолжена. Историцисты обычно обращаются к небесной механике, основанной на динамике — теории движений как результата действия сил. Подобно этому, и социология должна быть основана на динамике, теории социального движения как результата действия социальных (или исторических) сил. Социология родственна динамике еще и потому, что по сути своей является причинной теорией.

Исторические законы. Итак, для историчиста социология является теоретической историей. Ее научные прогнозы основаны на законах, а поскольку это исторические прогнозы, говорящие о социальном изменении, они основываются на исторических законах.

Историческое пророчество versus социальная инженерия. Таким образом, социология пытается решить древнюю проблему прорицания, и не столько в отношении индивидов; ее интересуют группы и все человечество в целом. Социология — наука о грядущем, о надвигающемся развитии событий. Одна идея объединяет всех историчистов. Это идея о том, что с помощью социологического исследования мы можем увидеть политическое будущее и что тем самым социология становится важнейшим инструментом дальновидной практической политики.

В науке имеются два вида предсказаний. Например, мы предсказываем (а) приближение тайфуна, (б) что укрытие выдержит напор стихии, будучи сконструировано определенным образом. В одном случае речь идет о событии, предотвратить которое не в наших силах. Назовем такое предсказание пророческим. Его практическая ценность заключается в том, что оно предупреждает нас о надвигающемся событии, и мы можем либо уклониться от него, либо подготовиться к встрече с ним (используя предсказания другого вида).

Предсказания второго вида можно назвать технологическими, поскольку они образуют базу для инженерии. Это конструктивные предсказания, они знакомят нас с шагами, которые мы можем предпринять, если желаем достигнуть определенных результатов. Большая часть предсказаний в физике являются технологическими предсказаниями. Различие этих двух видов предсказания приблизительно соответствует роли в науке спланированного эксперимента и обычного терпеливого наблюдения. Экспериментальные науки дают технологические предсказания, в то время как науки, занимающиеся главным образом неэкспериментальными наблюдениями, высказывают предсказания-пророчества.

Некоторым историчистам идея социальной инженерии, планирования и конструирования институтов с целью торможения социального развития, контроля за ним или его ускорения представляется вполне реальной (см. также [Джеймс Скотт. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни](#)).

Социальное изменение: интерпретация versus планирование. Согласно историчизму, эффективны только те планы, которые совпадают с главным течением истории. Разумна та деятельность, которая не противоречит и даже способствует предстоящим изменениям. На научном прогнозе можно основать только одну деятельность — социальное акушерство. «Когда общество находит естественный закон, определяющий его развитие, даже в этом случае оно не может ни перескочить через естественные фазы своей эволюции, ни выкинуть их из мира росчерком пера. Но кое-что оно может сделать: сократить и облегчить родовые муки». В этих словах, принадлежащих Марксу, прекрасно сформулирована суть историчистской позиции. Историчизм — это особая разновидность фатализма, для которого неизбежными выступают тенденции истории.

Практические цели критики. Является ли истинным мотивом научных исследований желание знать, т. е. чисто теоретическое или «праздное» любопытство, или же наука есть инструмент для решения практических проблем, возникающих в борьбе за жизнь? Как говорит профессор Хайек, «экономический анализ никогда не был продуктом отстраненного интеллектуального любопытства, интереса к причинам возникновения тех или иных социальных феноменов за ним всегда стояло стремление переделать мир»: те социальные науки (кроме экономики), которые не заняли этой позиции, собственной бесплодностью доказывают, как необходима их спекуляциям практическая проверка.

Многие последователи историчизма надеются с помощью историчистских методов сделать социальные науки мощными инструментом политики. Именно такое понимание практических задач социальных наук создает основу для дискуссии между историчистами и их оппонентами; моя позиция в этом споре состоит в том, что я считаю историчизм бедным методом, не способным дать результаты, которые он обещает.

Технологический подход к социологии. Хотя нашей темой является историчизм, т. е. метод, с которым я не согласен, полезно будет обсудить и успешные методы, чтобы читатель увидел суть

моей позиции и точку зрения, лежащую в основе критики. Из соображений удобства назову эти методы «поэлементной» технологией.

Инженерия «поэлементная» versus инженерия утопическая. Поэлементная социальная инженерия похожа на физическую инженерию, полагая, что вопрос о целях выходит за сферу компетенции технологии. Этим она отличается от историцизма, для которого цели человеческой деятельности обусловлены историческими силами, и, таким образом, они входят в сферу компетенции самого историцизма. Задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими. Он не верит в перестройку общества как целого. Какие бы цели он ни ставил, достигнуть их он надеется с помощью мелких исправлений и переделок, постоянно внося какие-то улучшения. «Поэлементный» инженер, подобно Сократу, знает, как мало он знает (см. [Суд над Сократом](#)). Он знает, что мы учимся только на своих собственных ошибках. Он будет избегать сложных и масштабных реформ, в которых невозможно бывает разобраться, где причина, а где следствия, и понять, что же, собственно, он делает.

«Постепенное налаживание» невозможно примирить с политическим темпераментом «активистов», программу которых также можно назвать «холической» или «утопической» инженерией (ее называли также «социальной инженерией»). На практике холический метод невозможен; чем обширнее осуществляемые холические изменения, тем значительнее их непреднамеренные и во многом неожиданные последствия, вынуждающие холического инженера обращаться к приемам «поэлементной» импровизации.

Проблемы, связанные с неопределенностью человеческого фактора, должны заставить утописта, нравится ему это или нет, контролировать человеческий фактор институциональными средствами и расширить свою программу так, чтобы она включала не только преобразование общества, но и преобразование человека.

Требование построения нового общества, пригодного для того, чтобы в нем жили мужчины и женщины, подменяется требованием «формирования» этих мужчин и женщин с тем, чтобы они «подходили» этому новому обществу. Разумеется, нет никакой возможности проверить, добилось ли новое общество успеха или потерпело неудачу, ибо те, кому не нравится в нем жить, должны будут признать, что еще не созрели, что их «человеческие импульсы» нуждаются в дальнейшей «организации». Но без возможности проверки испаряются всякие притязания этого метода на научность. Холический подход несовместим с наукой.

Несвятой союз с утопизмом. Для историцизма важно развитие, и развитие не отдельных аспектов социальной жизни, но «общества как целого», подобно этому, холическая и утопическая инженерия. Оба они упускают важный факт: «целостности» в этом смысле слова не могут быть объектом научного исследования. Еще одним общим звеном, соединяющим историцизм и утопизм, является вера в то, что поставленные цели не являются результатом выбора или морального решения, но могут быть открыты наукой в соответствующих областях исследования.

Критика холизма. Холисты планируют не только изучать общество с помощью невозможного метода, в их планы также входит контроль и перестройка общества «как целого». Они предрекают, что «роль государства возрастает», пока государство не становится тождественным всему обществу. Интуиция, выраженная в этой фразе, достаточно ясна. Это тоталитарная интуиция.

Холическая теория социальных экспериментов. Возражение, выдвигаемое против утопической программы, заключается в том, что не существует экспериментального знания, необходимого для такого рода предприятия. В основе проектов инженера-физика лежит экспериментальная технология; все принципы его деятельности проверены в экспериментах на практике. Холические проекты социального инженера не основаны на таком практическом опыте. Не зря холическое планирование называют «утопическим», у этих планов просто нет научной основы.

Поэлементный взгляд использует метод проб и ошибок. Мы «пробуем», т. е. не просто регистрируем сделанное наблюдение, но активно решаем проблемы. И мы продвигаемся вперед, если и только если мы готовы учиться на ошибках, признавать их и критически использовать, а не превращать их в догму. Хотя этот анализ и может показаться тривиальным, он описывает, по-моему, метод всех эмпирических наук. Эта формула касается не только метода эксперимента, но и отношения между теорией и экспериментом. Все теории — это пробы, пробные гипотезы, выдвигаемые для того, чтобы

проверить, работают они или нет; а всякое экспериментальное подтверждение есть просто результат проверок, стремящихся обнаружить, в чем наши теории ошибаются (подробнее см. [Карл Поппер. Объективное знание. Эволюционный подход](#)).

В то же время учиться на холических экспериментах трудно, а в отношении действий, затрагивающих большое количество людей, это практически невозможно. Иначе говоря, учиться на очень серьезных ошибках — очень трудно. Поскольку одновременно делается очень многое, невозможно сказать, что именно вызывает тот или иной результат. Холический эксперимент не позволяет соотнести результаты и предпринятые меры. Еще труднее добиться сочетания холического планирования с научными методами. Плановик не замечает того факта, что в отличие от власти знание централизовать невозможно, оно распределено между людьми (см. [Людвиг фон Мизес. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории](#), [Хесус Уэрта Де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#)).

При всей неограниченной и неизменной благожелательности планирующие власти никогда не смогут выяснить, согласуются результаты предпринимаемых ими мер с их благими намерениями или нет.

Существует ли закон эволюции? Может ли существовать научный закон в смысле Т. Хаксли, который писал: «Только равнодушный философ... может усомниться в том, что закон эволюции органических форм рано или поздно завоеует науку, — закон неизменного порядка в той великой цепи из причин и следствий, звеньями которой являются все органические формы — и древние, и современные». Полагаю, что на этот вопрос следует ответить отрицательно. Поиски закона эволюции не имеют никакого отношения к научному методу — ни в биологии, ни в социологии.

Эволюция жизни на Земле или человеческого общества — уникальные исторические процессы. Описание этого процесса будет не законом, а единичным историческим утверждением. Фишер писал: «В истории видят план, ритм, предначертание... Я вижу лишь смену одного явления другим... лишь один огромный факт, в отношении которого, в силу его уникальности, не может быть обобщений...»

Те, кто верит в закон эволюции, могут занимать две позиции: (а) отрицать точку зрения, согласно которой эволюционный процесс уникален, или (б) утверждать, что в эволюционном процессе, даже уникальном, есть направление, тенденция или вектор, и что мы можем сформулировать гипотезу о характере этой тенденции и проверить эту гипотезу на опыте.

Позиция (а) восходит к очень древней идее жизненного цикла — рождения, детства, юности, зрелости, старости и смерти, — применимого не только к животным и растениям, но и к обществам, расам и даже «миру в целом». Это учение использовано Платоном в его интерпретации заката и упадка греческих городов-государств и Персидской империи. Им также воспользовались Макиавелли, Вико, Шпенглер, а совсем недавно профессор Тойнби в «Постижение истории» (см. также [Никколо Макиавелли. Государь](#), [Арнольд Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории](#)).

Из этой концепции следует, что возражение, обращающее внимание на уникальность эволюционного или исторического процесса, теряет свою силу. История может иногда и в чем-то повторяться. Нет серьезных причин ожидать, чтобы какое-то явное повторение продолжалось параллельно своему прототипу. Так, если мы верим в закон повторяющихся жизненных циклов, то будем находить его историческое подтверждение на каждом шагу. Однако при более внимательном рассмотрении оказываются, что факты выбраны в угоду тем самым теориям, которые они должны проверить.

Профессор Тойнби выдвигает в поддержку позиции (б) следующие взгляды: «Цивилизации — не статические состояния общества, это динамические движения эволюционного характера. Они не просто не стоят на месте, но и не могут пойти вспять, не нарушая собственного закона движения». Здесь налицо почти все элементы, характерные для позиции (б): идея социальной динамики (а не социальной статики); идея эволюционных движений обществ (под влиянием социальных сил); идея векторов таких движений, которые принято называть необратимыми, их изменение нарушало бы законы движения.

Однако, идея о том, что общество, подобно физическому телу, может двигаться как целое по определенному пути и в определенном направлении, есть просто холическое недоразумение.

Поскольку не существует движения общества аналогичного движению физических тел, не существует и законов его движения. Но, скажут нам, вряд ли кто-нибудь усомнится в существовании направлений или тенденций социального изменения. Разве они не сравнимы с Ньютонским законом инерции? Ответ состоит в следующем: эти тенденции существуют. Но тенденции — это не законы. Суждение о существовании направлений является экзистенциальным, а не универсальным (об этом очень полезно вспомнить любителям поиграть на бирже с применением технического анализа, как раз основанном на тенденциях прошлого).

Мы можем основывать научные предсказания на законах, но мы не можем (и это известно всякому статистику) основывать их на том, что тенденции существуют. Тенденция (возьмем в качестве примера тот же рост народонаселения), которая сохранялась сотни и даже тысячи лет, может измениться за десятилетие, и даже за еще более короткий срок (см. [Сергей Капица. Парадоксы роста: Законы развития человечества](#), где показано, что современные тенденции роста населения претерпевают изменения).

Именно привычка путать тенденции и законы, легла в основу центральных концепций эволюционизма и историцизма: 1) непреложных законах биологической эволюции и 2) о необратимых законах движения общества.

Метод редукции. Причинное объяснение. Предсказание и пророчество. Главная ошибка историцизма состоит в следующем. Его «законы развития» суть абсолютные тенденции, — тенденции, которые, подобно законам, не зависят от начальных условий и неминуемо ведут нас по определенному пути в будущее. Однако, тенденции зависят от условий, их нужно найти и сформулировать. Но как раз с этим историцист и не может справиться. Он твердо верит в свою любимую тенденцию, и ему кажется немыслимым, чтобы условия ее существования исчезли. Нищета историцизма есть главным образом нищета воображения.

Единство метода. Не стану утверждать, что между методами теоретических наук о природе и об обществе не существует никаких различий. Но я согласен с Контом, Миллем и Менгером, что методы, применяемые в этих двух областях знания, в сущности своей одинаковы. Они заключаются в выдвижении дедуктивных причинных объяснений и их проверке (через проверку предсказаний). Результатом проверок является отбор тех гипотез, которые выдержали проверку, и элиминация гипотез, которые ее не выдержали. Все проверки суть попытки отсеять ложные теории.

И только если нам не удалось этого сделать, несмотря на все наши усилия, только тогда можно сказать, что теории выдержали проверку. Подтверждение теории почти ничего не значит, если мы не нашли и даже не пытались найти ее опровержения. Если мы не критичны, то всегда найдем то, что нам хочется найти: в результате поисков найдутся подтверждения, а того, что будет представлять опасность для наших любимых теорий, мы просто не заметим.

Ситуационная логика. Историческая интерпретация. Всякий, кто читал рассуждения Толстого в «Войне и мире» — несомненно историцистские, но отличающиеся искренностью, — о движении западных людей на Восток и о противоположном движении русских людей на Запад, должен понимать, что историцизм отвечает какой-то реальной потребности (см. [Свобода воли и необходимость](#), философское заключение, Война и мир, Лев Толстой). И прежде чем мы сможем всерьез надеяться на избавление от историцизма, мы должны предложить нечто лучшее.

Историцизм Толстого есть реакция на метод, отводящий главную роль в происходящем великому человеку, лидеру (слишком большую роль, если Толстой прав, а он, конечно, прав). Толстой доказывает, и на мой взгляд успешно, какое малое влияние имели действия и решения Наполеона, Александра, Кутузова и других великих лидеров 1812 года в сравнении с тем, что можно было бы назвать *логикой событий*.

Отсутствие интереса к универсальным законам ставит исторические науки в трудное положение. Единственный способ, которым мы можем преодолеть эту трудность, состоит в том, чтобы сознательно ввести в историю точку зрения; т.е. писать ту историю, которая нас интересует. Назовем такую селективную точку зрения или фокус исторического интереса, если она не может быть сформулирована в виде проверяемой гипотезы, исторической интерпретацией.

Историцизм считает интерпретации теориями. И в этом заключается одна из главных его ошибок. «Историю» можно интерпретировать по-разному: в ней можно видеть классовую борьбу, или борьбу

за расовое господство, или борьбу между «открытым» и «закрытым» обществом; история может быть историей религиозных идей или научного и промышленного прогресса. Однако историцисты так не считают, они не хотят признавать множества равных друг другу интерпретаций. А если какая-то точка зрения оказывается плодотворной и в ее свете могут быть упорядочены и интерпретированы многие факты, то это ошибочно принимается за подтверждение или даже за доказательство «концепции».

Выход из ситуации может заключаться в том, что мы сознательно принимаем точку зрения, формулируем ее и всегда помним, что это лишь одна из множества точек зрения и, сколько ни поднимай ее до уровня теории, проверке она не поддается.

Институциональная теория прогресса. Эволюционист, требующий «научного» контроля над природой человека, не понимает, насколько самоубийственно это требование. Главной движущей силой эволюции и прогресса является разнообразие материала, из которого происходит отбор. Что касается человеческой эволюции, то это — «свобода быть необычным и не походить на ближнего своего», «не соглашаться с большинством и идти своим путем». Холический контроль, ведущий к уравнению умов, а вовсе не к равенству в правах, означает конец прогресса.